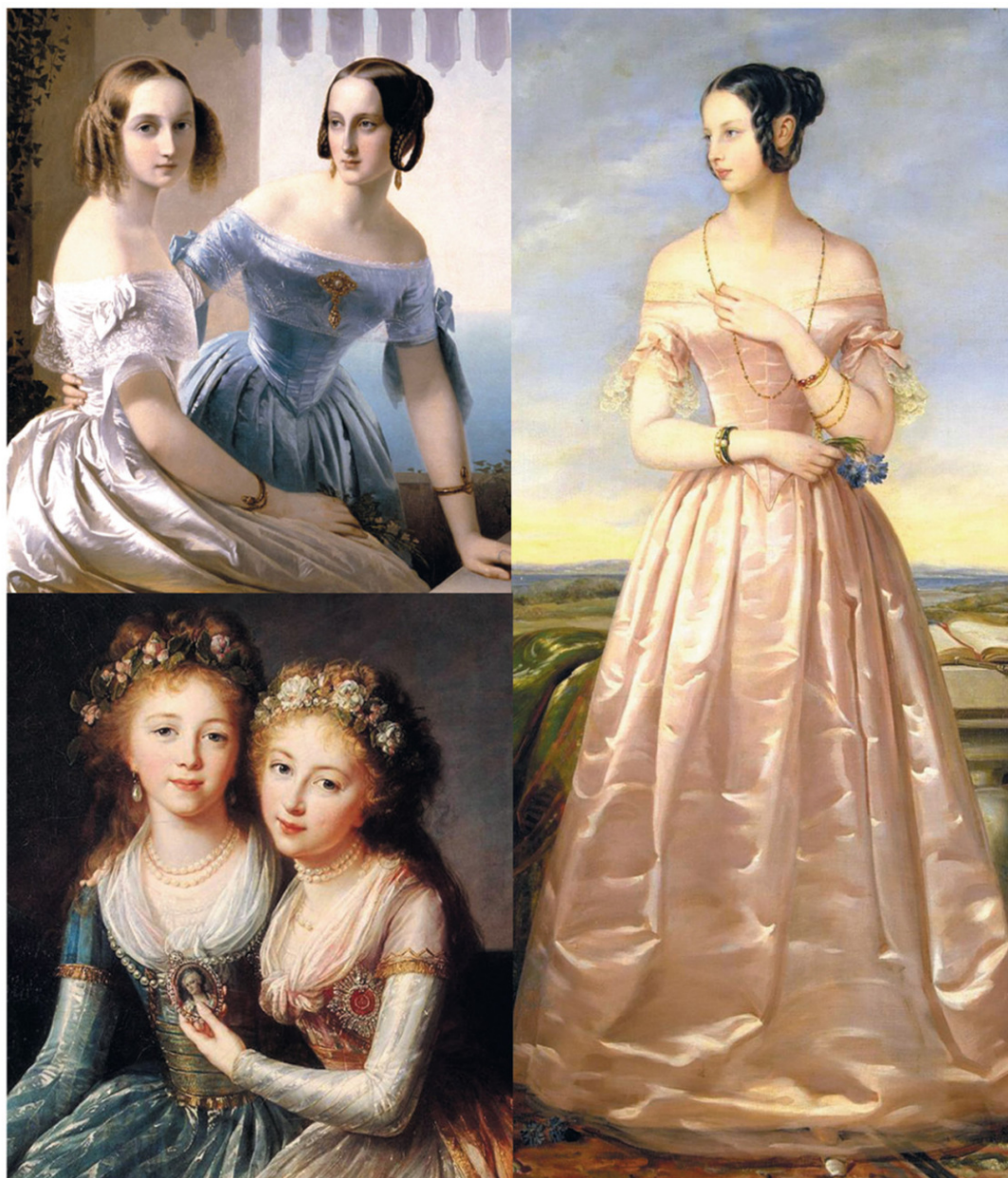

ЛЮБОВНЫЕ ДРАМЫ РУССКИХ ПРИНЦЕСС

Александра Шамагонова

От внучек Екатерины II,
до сестер Николая II

Любовные драмы

Любовные драмы

Александра Шахмагонова

**Любовные драмы
русских принцесс. От
Екатерины I до Николая II**

«ВЕЧЕ»

2020

Шахмагонова А. Н.

Любовные драмы русских принцесс. От Екатерины I до Николая II
/ А. Н. Шахмагонова — «ВЕЧЕ», 2020 — (Любовные драмы)

ISBN 978-5-4484-8553-4

Императрица Екатерина Великая в одном из писем своему постоянному корреспонденту барону Гримму выразилась так: «...Ничего не может быть несчастнее российской Великой Княжны». Это замечание оказалось пророческим, ибо в очень редких случаях российские великие княжны оказывались счастливы в браке. Действительно, принцессы или царевны не могли решать свою судьбу, они не могли доверять никому. Любое проявление симпатии к ним могло быть неискренним. В их семейной жизни, даже если в ней зарождалась настоящая любовь, было много показного и нарочитого. В книге рассказывается о печальных судьбах великих княжон дочерей императоров Павла I, Николая I, Александра II и Александра III.

ISBN 978-5-4484-8553-4

© Шахмагонова А. Н., 2020

© ВЕЧЕ, 2020

Содержание

Дочь Екатерины и внучка Бецкого	5
Из пансионата замуж...	12
Счастье в краю, возрождённом отцом	18
Ожидание же «бед и напастей»	23
Трагическое супружество старшей внучки Екатерины II	28
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Александра Николаевна Шамагонова

Любовные драмы русский принцесс

От Екатерины I до Николая II

Дочь Екатерины и внука Бецкого

Елизавета Григорьевна Тёмкина (1775–1854)

Она не получила титула великой княжны, несмотря на то что была родной дочерью императрицы, причём дочерью, рождённой в законном, хотя и в тайном, или, как тогда говорили, морганатическом браке. И она не претендовала на какое-то особое к ней отношение, а тем более на звание великой княжны и возможной, при известных обстоятельствах, претендентки на российский престол.

А ведь европейская мошенница, впоследствии названная княжной Таракановой, не имея вовсе никакого отношения к царствующей династии, рвалась на российский трон, объявляя, что является дочерью императрицы Елизаветы Петровны, причём дочерью, рождённой неведомо от кого.

Княжна Тараканова, правда, упоминала в качестве отца Алексея Григорьевича Разумовского, но если тайный брак Екатерины и Потёмкина, заключённый в начале июня 1774 года в храме Святого Сампсония на Неве, имел документальные подтверждения, а в тайну его были посвящены некоторые придворные, то относительно венчания Елизаветы Петровны и Алексея Разумовского в Москве, в церкви в Перово, были только слухи. Да и Разумовский в отличие от Потёмкина, стоявшего рядом со своей венчанной супругой у государственного руля, был далёк от политики и управления державой.

Тем не менее княжна Тараканова грозила свергнуть императрицу Екатерину и сесть на престол русских царей, а Елизавета Тёмкина, вполне имевшая право именоваться великой княжной если и не по имени, то по существу, никогда о подобных правах не заявляла.

Княжна Тараканова. Художник К. Д. Флавицкий

Да и знала ли она, кто её родная мать? На этот вопрос ответ она могла дать лишь сама. Впрочем, мы попытаемся поразмыслить над возможным ответом в данном очерке.

Относительно того, кто был отцом, Елизавете Григорьевне, скорее всего, сообщили, поскольку воспитывалась дочь императрицы Екатерины II в семье Александра Николаевича Самойлова, который приходился племянником морганатическому супругу государыни Светлейшему князю Григорию Александровичу Потёмкину-Таврическому. Во всяком случае, дети и внуки её недвусмысленно высказывались по данному поводу.

Фамилия – Тёмкина – также указывала на отцовство светлейшего. В России в ту пору было принято детям, либо незаконнорожденным, либо таковым, которым по каким-то причинам высшего порядка нельзя было дать свою фамилию, давать фамилию усечённую. Так, сын князя Ивана Юрьевича Трубецкого – Иван Иванович – стал Бецким, сын Репнина получил фамилию Пнин, и так далее. Были и исключения. К примеру, знаменитому нашему поэту Василию Андреевичу Жуковскому, рождённому от пленной турчанки, его отец, помещик Бунин, дал фамилию разорившегося «бедного дворянина», проживавшего у него в поместье. Разумеется, с согласия того дворянина и без его претензий на отцовство. Видимо, не хотел сложностей. Тем не менее судьба будущего поэта сложилась так, что он был принят супругой помещика как её родной сын, поскольку родной сын безвременно покинул сей мир.

Но я немного отклонилась от темы. Пора, наверное, сказать, кто же она, родная дочь государыни, получившая фамилию Тёмкина.

Не будем вдаваться в подробности, как получилось, что Потёмкин и Екатерина II стали законными, хотя и морганатическими супругами. Это всё достаточно полно описано в книгах, выпущенных издательством «Вече», «Екатерина Великая в любви и супружестве» (серия «Любовные драмы») и «Екатерина Великая» (серия «Лучшие биографии»).

Венчались императрица Екатерина II и Григорий Александрович Потёмкин в начале июня 1774 года. А спустя год с небольшим в Москве происходило празднование полной победы над Османской империей в Русско-турецкой войне 1768–1774 годов, завершившейся заключением Кучук-Кайнарджийского мирного договора.

Празднование было ярким, торжественным. Чествовали победителей, и в первую очередь главного виновника полного разгрома Османской империи генерал-фельдмаршала графа Петра Александровича Румянцева-Задунайского. На праздновании императрица Екатерина была рядом со своим венчанным супругом и соправителем Григорием Александровичем Потёмкиным, пока ещё не Таврическим (титул получил после присоединения Крыма), но уже и князем, и генерал-фельдмаршалом. Потёмкин в одержанную победу вложил очень большую и серьёзную лепту. Ведь он почти безотлучно находился на театре военных действий с весны 1769 года и по декабрь 1773 года, причём не просто находился, а одержал ряд блестящих побед, а осенью 1773 года едва не погиб при осаде турецкой крепости Силлистрия.

И вдруг в самый разгар празднеств императрица Екатерина не появилась на публике. Её не было день, не было два, три...

Царедворцы в замешательстве. Что делать? Как объяснить то, что императрица исчезла? Выход нашли. Во всём обвинили немытые фрукты. Мол, поела государыня разных заморских лакомств – а их в те дни в Москве было море, – ну и отравилась немного.

Особенно переживал Иван Иванович Бецкой, знаменитый Бецкой, как никто другой близкий к престолу.

Он забрасывал письмами из Петербурга, полными тревоги за здоровье государыни, а возможно, зная истинные причины этого «нездоровья», переживал и за судьбу ребёнка – ведь он был...

Впрочем, сначала одно из писем, датированное 21 июля 1775 года:

«Я не в силах выразить овладевшее нами удручающее беспокойство. Признаюсь Вам, я был даже готов сам ехать в Москву; первое известие было не настолько удовлетворительно, чтобы меня успокоить. Слава Богу, теперь мы вздохнули... я дрожу ещё и теперь при одной мысли...»

Письмо рядового придворного высокого ранга? А если вам станет известно, что в знаменитом словаре Брокгауза и Ефрона о Бецком сообщается:

«Выйдя в отставку, он (Бецкой И. И. – А. III.) путешествовал по Европе и, между прочим, в Париже был представлен герцогине Ангальт-Цербстской

– Иоганне Елизавете (будущей матери будущей императрицы Екатерины II), которая и в то время, и впоследствии относилась к нему очень милостиво...»

Портрет И. И. Бецкого. Художник А. Рослин

Казалось бы, что здесь такого? Милостиво относилась... Ну и что? Но могли ли авторы словаря сказать более прозрачно и определённо. Нет. Они сказали ровно столько, сколько могли сказать, учитывая серьёзность издания. Ну а нам остаётся прикинуть, что скрывается за «милостивым отношением» небогатой супруги заштатного коменданта заштатного прусского города? Чай не королева, не императрица, когда милостивое отношение даёт какие-то вознаграждения, продвижения по службе. У равной к равному вовсе не милости – в данном случае авторы словаря имели в виду не что иное, как любовь.

Но этого факта, конечно, недостаточно для утверждений. Рассмотрим и некоторые другие – повторяю, лишь некоторые, поскольку удивительных свидетельств море.

Известный мемуарист Николай Греч, «весьма компетентный вследствие своего тесного взаимодействия с III Отделением Его Императорского Величества канцелярии, где ему были открыты многие документы», в своих записках указал:

«Немецкая принцесса (София-Фредерика Ангальт-Цербстская – А. III.) происходила от русской крови. Принц Ангальт-Цербстский был комендантом в Штеттине и жил с женой в разладе. Она проводила большую часть времени за границею, в забавах и развлечениях всякого рода. Во время пребывания в Париже, в 1728 г., сделался ей известным молодой человек, бывший при прусском посольстве, Иван Иванович Бецкой, сын пленника в Швеции князя Трубецкого, прекрасный собой, умный, образованный. Вскоре, по принятии его в число гостей княгини Ангальт-Цербстской, она отправилась к своему мужу в Штеттин и там 21 апреля 1729 г. разрешилась от бремени принцессою Софиею-Августою, в святом крещении Екатерина Алексеевна. Связь Бецкого с княгиней Ангальт-Цербстской была всем известна». А вот публицист Борис Алмазов сделал и ещё одно удивительное заявление, сделанное в журнале «Чудеса и приключения»:

«В начале 1729 года Ивана Бецкого срочно отзывают в Россию из Парижа, а 4 марта 1729 года у Иоганны Елизаветы родилась девочка, получившая при крещении имя Софья-Фредерика-Августа».

Императрица Екатерина Великая родилась не 4 марта, а 21 апреля того же, 1729 года. И далее там же:

«Когда София-Фредерика-Августа стала российской великой княгиней, немецкие историки перерыли все штеттинские архивы в поисках материалов о жизни её родителей в этом городе и не нашли ничего, даже метрических записей о рождении Ангальт-Цербстской принцессы. При немецком „орднунге“ (порядке) такого не может быть, потому что не может быть никогда! Однако все материалы просто-напросто исчезли. Единственной причиной этого исчезновения историки посчитали тайну рождения принцессы и были правы...»

Так что же произошло в июле 1775 года во время празднования мира с Турцией? Что случилось с государыней? Ларчик просто открывался. Обнаружить в ту пору невооружённым глазом беременность не всегда удавалось, поскольку платья-то носили пышные. Это теперь тощие будущие мамочки вышагивают на спичках, словно воткнутых в огромный шар. И всё это обтянуто столь невероятно сильно, что кажется, вот-вот полопается по швам. А тогда колыхались платья с оборочками, спадая до самой земли. Где там увидишь характерно увеличенный живот?!

Этакие фокусы часто в ту пору случались. Порой и на балах начинались схватки, и уходили с бала срочно те, которые должны были вот-вот стать матерями.

Ушла таким вот образом и Екатерина, ушла, и 13 июля 1775 года в Пречистенском дворце появилась на свет девочка, которую нарекли в честь императрицы Елизаветы Петровны Елизаветой. Первую дочь Екатерины Алексеевны, которую она родила ещё в бытность великой княгиней, называли Анной. Но Анне не суждено было долго радовать мать – она покинула сей мир в младенчестве.

Но что же по этому поводу говорят видные исследователи екатерининского времени?

Историк, публицист, создатель ряда фильмов о времени Екатерины Великой и его героях, автор-составитель фундаментальных трудов «А. В. Суворов. Письма» и «Екатерина II и Г. А.

Потёмкин. Личная переписка 1769–1791)», изданных «Наукой», и ряда исторических монографий, Вячеслав Сергеевич Лопатин так объясняет происшедшее:

«Торжества 10 июля потребовали от неё (императрицы Екатерины II. – А. III.) напряжения всех физических и духовных сил. 12 или 13. VII Екатерина подарила своему мужу девочку. Это был пятый, последний ребёнок Екатерины. Первым был Павел, второй Анна (дочь Понятовского), затем дети от Григория Орлова – сын Алексей (будущий граф Бобринский) и, если верить слухам, дочь Наталья (будущая графиня Буксгевден). И, наконец, дочь Елизавета, рождённая в законном браке от горячо любимого мужа. Елизавета Григорьевна Тёмкина воспитывалась в семье племянника Потёмкина А. Н. Самойлова, одного из трёх свидетелей тайного брака её родителей».

Перед нами цитата из уже упомянутого – выпущенного издательством «Наука» в 1997 году – объёмного, почти в тысячу страниц, тома «Екатерина II и Г. А. Потёмкин. Личная переписка 1769–1791». В. С. Лопатин в комментариях к письмам раскрывает многие тайны государыни, в том числе и тайны рождения её детей, причём раскрывает не по источникам «чбс», коими обычно пользуются те, кто описывает личную жизнь императрицы, а по самым неопровержимым документам, коими являются письма. Этот грандиозный труд добросовестного исследователя помогает восстановить историческую правду, понять, где недобросовестные биографы, историки и авторы исторических романов пошли на сделку со своей совестью, строя свои лживые умозаключения в угоду читателей не самого культурного слоя.

В комментариях к письмам из указанного выше издания В. С. Лопатин указал следующее:

«Во время шествия в Кремль и обратно к Пречистенским воротам в народ бросали серебряные и медные монеты. На площадях было выставлено питье и угощение. Праздники должны были длиться две недели. Большое народное гуляние предполагалось устроить на Ходынском поле, где архитекторами В. И. Баженовым и М. Ф. Казаковым были сооружены павильоны, представлявшие „на твердой земле Черное море со всеми приобретениями России“. Неожиданно для всех 12. VII было объявлено, что торжество на Ходынке в связи с болезнью императрицы переносится на 21-е число. В письмах к Гримму, госпоже Бельке, лифляндскому генерал-губернатору графу Ю. Ю. Броуну Екатерина шутливо писала (для предотвращения ложных слухов дома и за границей) о том, что у неё была дизентерия, которую удалось вылечить кровопусканием... До 18. VII Екатерина не выходила из внутренних покоев Пречистенского дворца. Торжества были прерваны рождением дочери (скорее всего – 12. VII), названной в честь покойной императрицы Елизаветой. Девочка росла в семье А. Н. Самойлова. Ее имя ни разу не встречается в переписке Екатерины и Потёмкина. Хотя в середине XIX в. о Елизавете Григорьевне Тёмкиной (в замужестве Калагеорги) знали, что она дочь Потёмкина, но кто была ее мать, не знали. Расточительная и непрактичная Елизавета Григорьевна не оставила детям (шесть или семь сыновей и дочерей) большого наследства».

Противники фактов, свидетельствующих о том, что матерью Елизаветы Тёмкиной является государыня, подкрепляли свои соображения надуманными соображениями. Заявляли, что вот, мол, Людовик XVI заявил с сарказмом: «Госпоже Потёмкиной добрых сорок пять: самое время детей рожать».

Но что касается возраста императрицы Екатерины II, в котором она пошла на рождение ребёнка, то рождение детей в такие лета не было каким-то большим исключением, ибо при-

мерно за сто лет до того первая супруга царя Алексея Михайловича Мария Ильинична, урождённая Милославская (1624–1669), родила последнего, тринадцатого по счёту ребёнка, Евдокию, в 1669 году, когда ей было 45 лет.

Ну а тут случай особый. Все добросовестные и честные исследователи жизни и деятельности императрицы Екатерины II с уверенностью утверждают, что Потёмкин – главная любовь в её жизни, по словам русской публицистки Анны Кашиной, он не любовник, не фаворит, а горячо любимый супруг, соединяя свою жизнь с которым Екатерина «впервые узнала, что значит любить по-настоящему». Анна Кашина с убеждением писала, что «любовь к нему заполняет её (Екатерины. – А. Ш.) жизнь», что императрица понимает: «Уже никогда больше она не полюбит так, как она любит сумасшедшего, но гениального Потёмкина» и заключает: «При желании дать какое-то определение любви Екатерины к Потёмкину я бы сказала: суеверная любовь...» Любовь, которую императрица пронесла через всю свою жизнь!

Так как же она могла при такой любви не завести от возлюбленного мужа ребёнка?!

Ну а теперь вернёмся всё-таки к тревогам Ивана Ивановича Бецкого, того Бецкого, карета которого во время коронации была поставлена самой государыне в царский поезд сразу за каретой цесаревича Павла Петровича, того Бецкого, которому императрица Екатерина II, прощаясь, целовала руки! Об этом сообщили потомки слуги Ивана Ивановича, слуга которого, когда императрица приходила в дом к Бецкому для работы с документами по налаживанию образования и воспитания в империи, имел права один оставаться там и который видел, как здоровались, как прощались его хозяин и государыня, а также слышал, как Бецкой обращался к ней просто: «Государыня-доченька!»

То есть Иван Иванович Бецкой, находясь во время празднования мира с Турцией в Петербурге, тревожился о здоровье своей родной дочери по крови Екатерине и ребёнка, который, как он, конечно, знал, должен был родиться. Родилась его внучка, которую назвали Елизаветой, дали отчество Григорьевна и фамилию Тёмкина. У девочки была богатейшая родословная со стороны матери и деда, ведь Иван Иванович являлся потомком знаменитого рода князей Трубецких, рода, восходящего к Рюриковичам, рода, один из представителей которого был в числе кандидатов в цари на соборе 1613 года.

Из пансионата замуж...

Итак, дочь Екатерины и Потёмкина появилась на свет. Григорий Александрович сразу же отвёз девочку к своей сестре, Марии Александровне, в замужестве Самойловой. А когда Елизавета немного подросла, её передали в семью сына Марии Александровны и племянника Потёмкина Александра Николаевича Самойлова, которого назначили её опекуном.

Позднее в воспитатели был определён лейб-медик Иван Филиппович Бек, придворный врач, лечивший впоследствии цесаревича Павла и его детей, то есть внуков государыни.

Бек жил и работал в России с 1755 года. Сначала слушал лекции в лекарской школе при Санкт-Петербургском сухопутном госпитале, после чего был произведён в подлекари, а затем, в 1757 году, и в лекари Санкт-Петербургского адмиралтейского госпиталя. С 1758 года участвовал в Семилетней войне в составе наблюдательного корпуса, лечил раненых в сражениях при Цорндорфе, Пальциге и Франкфурте. Благодаря своим способностям выдвинулся на службу при главной артиллерии, а вскоре стал гофхирургом при Высочайшем дворе. В 1773 году, когда умер лейб-хирург, состоявший при наследнике престола Павле Петровиче, Бек был назначен на его место. В 1781 году государственная медицинская коллегия «в уважение долговременной практики и особых дознаний» возвела его в доктора медицины без защиты диссертации.

И вот в ноябре 1786 года он, назначенный лейб-медиком при великих князьях и княжнах, был одновременно определён в воспитатели Елизаветы Тёмкиной.

Елизавета начала свой жизненный путь, показав себя жизнерадостным и жизнеспособным ребёнком. Фамилию ей, как уже говорилось, дали Тёмкина, ну а отчество – отчество, как и полагалось, Григорьевна!

Удивительной и драматичной была судьба Елизаветы Григорьевны, хоть и не названной великой княжной, но по крови-то ею всё же являвшейся. Как против этого возразить? Опять же укажем на княжну Тараканову – она-то без всяких на то оснований, не имея никакого отношения ни к Елизавете Петровне, ни к Разумовскому, нарекла себя великой княжной, да мало того, её таковой признали на Западе. Конечно, Запад есть Запад, там всё, что угодно, признают, лишь бы направлено было против России. Но ведь признали! Отчего же и нам не рассказать о Елизавете Тёмкиной в книге, посвящённой великим княжнам Дома Романовых.

Известно, что государыня не слишком доверяла домашнему образованию, а тем более воспитанию.

Сын Елизаветы Григорьевны – Константин Иванович – указал в своей книге, что и его матери пришлось воспитываться в одном из закрытых учебных заведений, хотя формально она и оставалась в семье Александра Николаевича Самойлова, кстати, свидетеля тайного венчания своих родителей.

Константин Иванович Калагеорги писал:

«Елизавета Григорьевна воспитывалась в Петербурге, в лучшем тогда пансионе Беккера и прямо из пансиона выдана замуж за моего отца, бывшего тогда товарищем детства великого князя Константина Павловича, и получила от Потёмкина обширные поместья в Новороссийском крае».

Известно также, что императрица пожаловала дочери поместья в Херсонской губернии, в краях, управляемых Потёмкиным.

Что же касается образования и воспитания, то Императрица полностью разделяла взгляды Ивана Ивановича Бецкого на заботу о создании в России нового поколения людей. Бецкой убеждал в том, что необходимо дать преимущества воспитательным учреждениям, которые способны создать рукотворные препятствия, чтобы «на воспитываемое поколение не могли повлиять поколения старшие, зверообразные и неистовые в словах и поступках».

Недаром Жан-Жак Руссо, труды которого были известны в России, в своей знаменитой «Исповеди» писал, что «нет врождённых пороков и злодейств, но дурные примеры их внушают».

Опекуном Елизаветы Тёмкиной до её замужества оставался Александр Николаевич Самойлов (1744–1814).

Самойлов в России человек более чем известный, поскольку с 1792 по 1796 год был генерал-прокурором Правительствующего сената.

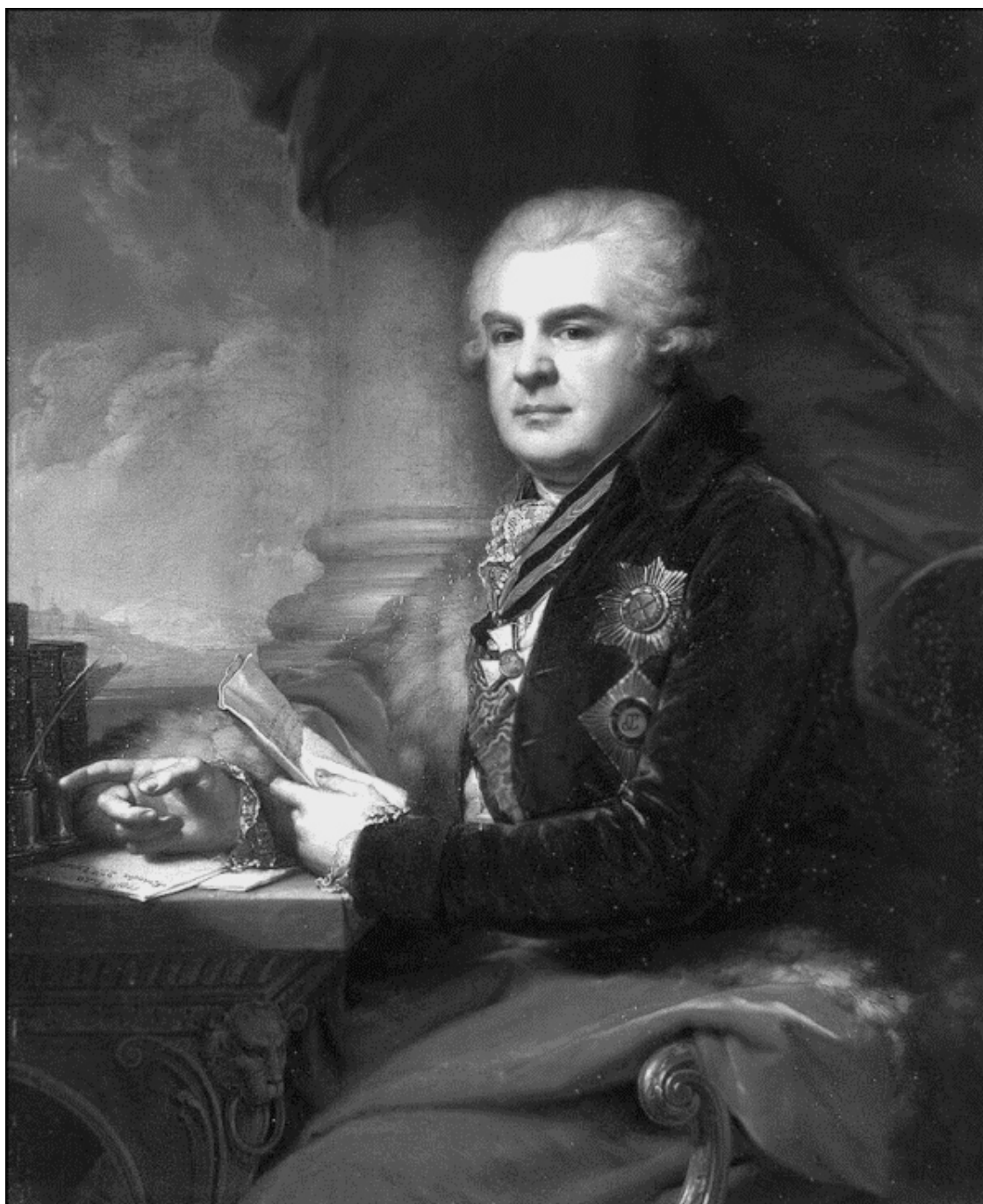
Службу он начал в 1760 году рядовым лейб-гвардии Семёновского полка, в канун Первой Турецкой войны в царствование императрицы Екатерины II (1768–1774) получил производство в первый офицерский чин и принял активное участие в боевых действиях, причём «за храбрость и мужество в боях при Силистрии», где служил под командованием своего дяди, в ту пору генерал-поручика Григория Александровича Потёмкина, был награждён орденом Св. Георгия 4-го класса.

Когда Потёмкин в декабре 1773 года срочно выехал в Петербург по вызову государыни, он взял с собой племянника, сделав его своим адъютантом. В чине адъютанта и воинском звании поручика лейб-гвардии Преображенского полка Александр Николаевич и присутствовал на венчании своего дяди с императрицей в светлую июньскую ночь в храме Святого Софрония Страстоприимца на Неве. А в 1775 году при назначении опекуном Елизаветы Тёмкиной был пожалован придворным чином камер-юнкера и назначен правителем дел Императорского совета.

Придворные дела не отвлекли от военной службы. Самойлов участвовал в комиссии по осуждению Пугачёва и его сообщников, затем снова командовал частями и соединениями, а в 1781 году был назначен командиром Таврического егерского корпуса. Корпус сражался в 1782 году на Перекопе с крымскими татарами, затем в 1783–1784 годах воевал с горцами на Кубани и на персидской границе.

Стал Самойлов, уже генерал, активным участником и Второй Турецкой войны в царствование императрицы Екатерины II (1787–1791).

Причём именно он во время осады Очакова принял в командование 28 июля 1788 года после ранения Суворова левое крыло русских войск, осаждавших турецкую крепость. Во время штурма 6 декабря одним из первых ворвался в крепость через пролом, устроенный русской артиллерией, за что получил в награду орден Св. Георгия 2-го класса. В 1789 году командовал отрядом на Днестре. Затем с отличием и храбростью командовал войсками при взятии ряда турецких крепостей, за что был удостоен орденом Св. Александра Невского. Командовал одной из главных наступающих колонн русской войск и при штурме Измаила в декабре 1790 года, за что получил в награду орден Св. Владимира 1-й степени. Участвовал в переговорах с турками в Яссах и даже руководил ими после смерти Потёмкина вплоть до прибытия канцлера А. А. Безбородко, а затем был направлен в столицу с известием об успешном окончании переговоров и заключении выгодного Ясского мирного договора, за что получил высший российский орден, Св. Андрея Первозванного. Ему были пожалованы также золотая шпага, украшенная алмазами, с надписью «За храбрость» и огромная по тем временам сумма 30 тысяч рублей.

А. Н. Самойлов. Художник И.-Б. Лампи Старший

17 сентября 1792 года стал генерал-прокурором и государственным казначеем, сменив на этом посту неподкупного, как говорили о нём современники, Александра Алексеевича Вяземского (1727–1793).

В 1793 году был возведён «с нисходящим его потомством, в графское Римской империи достоинство».

Именно Александр Николаевич Самойлов заказал ныне известный портрет Елизаветы Григорьевны Тёмкиной знаменитому в то время художнику Владимиру Лукичу Боровиковскому (1757–1825), признанному мастеру портрета, академику Императорской академии художеств.

Он дал задание изобразить 22-летнюю Елизавету Григорьевну следующим образом:

«Пускай Елизавета Григорьевна будет написана таким образом, чтоб шея была открыта, а волосы растрёпанными буклями лежали на оной без порядку».

Для работы Боровиковскому потребовался целый год. Сделал он параллельно и миниатюрную – размером в открытку – овальную копию на цинке. Причём изобразил Елизавету Григорьевну в образе богини Дианы, с обнажённой грудью, с украшением в виде полумесяца в причёске.

В те годы императрица Екатерина Великая была серьёзно озабочена осуществлением грандиозного Греческого проекта, которым её по-хорошему заразил Григорий Александрович Потёмкин.

Греки стали весьма частыми гостями при русском Императорском дворе. Даже в воспитательницы внука государыни Константина Павловича была определена гречанка Елена. А сын греческого дворянина Иван Христофорович Калагеорги преподавал Константину греческий язык. Он был старше великого князя, но сдружился с ним, и эту дружбу они пронесли сквозь годы, о чём будет сказано ниже.

При дворе и произошло знакомство Калагеорги с Елизаветой Тёмкиной, которая, хоть и воспитывалась не в самом дворце, часто бывала там и сдружилась со своими племянниками, детьми великого князя Павла Петровича, приходившегося ей родным братом по матери.

Знакомство Елизаветы Тёмкиной с будущим супругом произошло неслучайно. Сын греческого дворянина, как уже упомянуто выше, Иван Христофорович Калагеорги тоже находился при дворе.

То есть наверняка не без участия Екатерины состоялось знакомство её дочери и гвардейского офицера Калагеорги.

Возможности для знакомства и завязывания отношений, конечно, были. Елизавета Тёмкина и Иван Калагеорги имели возможность видаться на различных дворцовых мероприятиях, вполне могли прогуливаться по дворцовому парку. Были и темы для разговоров. Елизавета много читала, разбиралась в живописи, музыке, интересовалась и греческим языком, которому Калагеорги с успехом учил великого князя Константина.

Елизавета была красива. В этом можно убедиться, если взглянуть на её портрет кисти Боровиковского. Молодой человек влюбился в неё, и она ответила чувствами.

Но что же делать? Елизавета Григорьевна догадывалась, что находится на особом положении при дворе и что её положение ко многому обязывает – во всяком случае, ей давно уже дали понять, что она не вольна распоряжаться своей судьбой, что судьба её в руках государыни.

После объяснений в любви с Иваном Калагеорги она решилась написать письмо самой государыне. Вот это письмо:

«Отпустите, Всемилостивейшая Государыня! Несчастной, которая приемлет дерзновение изъявлять Вашему Императорскому Величеству всеподданнейшую благодарность. В злополучии моём удостоили Ваше величество обратить на меня милосердые взоры... около года тому назад. Но благоволите ныне осчастливить меня монаршим на просьбу мою вниманием.

За год пред сим лишилась я благодетеля моего бригадира Фалеева, который не переставал удовлетворять моим потребностям, и около уже года предана забвению и оставлена. Никто не печётся о моём пенсионе, содержании и об учителях. Генерал Самойлов, сестра его, господин Высоцкий обещали снабдить меня приданым, есть ли кончится дело о наследстве после покойного светлейшего князя; но Богу известно, когда оное решится, а между тем я не имею ничего. Удостоите всем: Государыня, устройте жребий мой, рассеяв сомнения беспомощной...

Ваше Императорское Величество не оставляли никогда щедротами вашими мне подобных, и не одна я буду оными взыскана. Благоволите переменить указ о покупке крестьян, но повелите употребить сию сумму на доставление меня домиком, в котором жила бы я с тем моим покровителем, какового угодно было Вашему Императорскому величеству мне назначить».

Вполне понятно, что в письме не только просьба о приданом, но и тайный намёк на желание получить высочайшее благословение на супружество.

Не дремал и жених. Сохранилось письмо к генерал-адъютанту князю Платону Zubову, в котором Иван Калагеорги благодарит за участие в его судьбе и содействие в подготовке к бракосочетанию с Елизаветой Тёмкиной.

«Ваше Высочество!

Примите моё почтение Вашему Высочеству в нынешних обстоятельствах, от которых зависит моя счастливая жизнь. Это благодаря Вам, мой генерал, я смог добиться надежды на руку настоящей дочери покойного князя Потёмкина. Вы начали меня поддерживать, я Вас умоляю соблаговолить и продолжить. Генерал Самойлов сообщил мне, что господин Попов получил от Всемиловейшей Государыни согласия на мою женитьбу, и обещал составить часть приданого девицы, и говорить об этом с Её Величеством. Господин Попов, которому Императрица поручила устройство молодой персоны, ждёт, что господин Самойлов решится, и дело остаётся в том же этом состоянии. Я осмеливаюсь Вас умолять, мой генерал, соблаговолить сказать слово благосклонности обо мне господину генерал-прокурору. Я был убеждён, что, если Ваше Высочество изъявит совсем лёгкое желание, это дело завершится, я немедленно прекращу пребывать в ужасной тревоге. Я присоединяю новый знак милости к тому, которым Вы меня уже удостоили.

С глубочайшим уважением к Вашему Высочеству Иван Калагеорги».

Упомянутый в письме Попов – знаменитый секретарь светлейшего князя Потёмкина, Василий Степанович Попов, после смерти Григория Александровича был назначен статс-секретарём Императрицы.

Началось томительное ожидание. Не знали влюблённые, что государыня заранее предполагала такой поворот дел. Иначе бы она легко прервала встречи своей дочери с Иваном Калагеорги.

Подключился к решению вопроса и Александр Николаевич Самойлов. В один из тех дней ожидания он попросил Елизавету зайти к нему в кабинет. Елизавета переступила порог ни жива ни мертва.

– Лизонька, ты действительно любишь Ивана Калагеорги? – прямо спросил Самойлов. – Ты уверена в своих чувствах?

– Да, да, мы с Иваном любим друг друга, мы ждем только матушкиного благословения.

– Что ж, остаётся назначить день помолвки, – с улыбкой сказал Самойлов, давая понять, что высочайшее благословение получено.

А вскоре было объявлено о помолвке во дворце, и государыня поручила Александру Николаевичу подготовить всё необходимое к свадьбе своей дочери.

Свадьбу назначили на 4 июля 1794 года.

Обряд венчания состоялся в петергофской церкви. Примечательно, что двадцать лет назад – двадцать лет и один месяц, если точно – состоялось венчание императрицы Екатерины и Григория Потёмкина. Правда, оно было в храме, построенном в честь победы в Полтавской битве и названном именем Сампсония Странноприимца.

Присутствовавший на венчании Александр Николаевич Самойлов во время обряда не мог отделаться от воспоминаний, воспоминаний очень приятных, ибо они касались и его собственной ранней молодости, и молодости его дяди, Григория Александровича, которому шёл тогда тридцать пятый год, императрице же – сорок пятый.

Он вспоминал, как светлой июньской ночью императрица, Потёмкин в сопровождении нескольких придворных сели в лодки, добрались по Большой Невке до храма Святого Сампсония, где их уже ждал духовник государыни настоятель храма.

Ввиду того, что привлекать к обряду лишних людей было нежелательно, дьячка не было, и его роль выполнял Самойлов, в ту пору поручик лейб-гвардии Преображенского полка и адъютант своего дяди.

Нужно было читать некоторые каноны по обряду. И когда Самойлов прочитал нараспев: «Жена да убоится мужа», его оторопь взяла. Замер и священник – ведь жена-то сама государыня. И вдруг Екатерина кивнула с улыбкой и сделала мягкий жест: мол, всё верно!..

Счастье в краю, возрождённом отцом

После венчания супруги отправились в свадебное путешествие, в Херсон, где, по завещанию Потёмкина, Елизавете Григорьевне принадлежали солидные имения.

Херсон молодой, перспективный город. Всего лишь полтора десятилетия назад – 18 июня 1778 года государыня по представлению Потёмкина подписала указ об основании крепости и верфи, названной так в честь Херсонеса-Таврического. А уже спустя пять лет крепость превратилась в цветущий город, о котором Кирилл Григорьевич Разумовский, побывавший там, написал с восторгом, как, собственно, и обо всём крае, его окружавшем:

«В сделанном мною в Херсоне вояже я ощущал особенное удовольствие, ибо неточию в путешествии сем не имел никакого беспокойства, но зрение мое беспрестанно занималось приятным удивлением, поколику на самой той ужасной своею пустотою степи, где в недавнем времени едва кое-где рассеянные обитаемы были ничего не значущие избышки, называемые от бывших запорожцев зимовниками, на сей пустоте, особливо по Херсонскому пути, начиная от самого Кременчуга, нашёл я довольные селения верстах в 20, в 25 и не далее 30, большею же частью при обильных водах. Что принадлежит до самого Херсона, то, кроме известного великолепного Днепра, северный берег которого здесь оным населяется, представьте себе множество всякий час умножающихся каменных зданий, крепость, замыкавшую в себе цитадель и лучшие строения, адмиралтейство с строящимися и построенными уже кораблями, обширное предместье, обитаемое купечеством и мещанами разнородными с одной стороны, казармы, около 10 000 военнослужащих в себя вмещающие, с другой. Присовокупите к сему почти перед самым предместьем и видоприятный остров с карантинными строениями, с греческими купеческими кораблями и с проводимыми для выгод сих судов каналами. Все сие вообразите, и тогда вы не удивитесь, когда вам скажу, что я и поныне не могу выдти из недоумения о толь скором возвращении на месте, где так недавно один токмо обретался зимовник. Не говорю уже о том, что сей город, конечно, в скорости процветет богатством и коммерцией, сколь то видеть можно из завидного начала оной. Херсон для меня столь показался приятен, что я взял в нем и место для постройки дома на случай хоть быть там некогда и согражданином. Скажу вам и то, что не один сей город занимал моё удивление. Новые и весьма недавно также основанные города Никополь, Новый Кондак, лепоустроенный Екатеринославль.

К тому же присовокупить должно расчищенные и к судоходству удобными сделанные Ненасытицкие пороги с проведенным и проводимым при них с невероятным успехом каналом, равно достойны всякого внимания и разума человеческого...»

Херсон с самого своего рождения сделался колыбелью и первой базой Черноморского флота, экономическим и политическим центром края. Основателем города, а впоследствии его генерал-губернатором стал Г. А. Потёмкин. Строительство крепости и города было возложено на генерал-цейхмestера И. А. Ганнибала. А под руководством А. Н. Сенявина был построен первый командный пункт и казармы для матросов. Именно по предложенной им схеме (строить на верфи корпуса судов, спускать их в лиман и уже там оснащать орудиями, мачтами и такелажем) строили корабли в Херсонском адмиралтействе. Адмиралтейство находилось в Херсоне вплоть до 1827 года. 16 сентября 1783 года со стапелей адмиралтейской верфи

был спущен на воду первый большой 66-пушечный корабль «Слава Екатерины». В городе возвели, кроме здания адмиралтейства, военный Екатерининский собор, арсенал, монетный двор, великолепный дворец Потёмкина.

История Херсона связана с именами великих современников Екатерины II и её дочери Елизаветы Григорьевны. В годы Русско-турецкой войны (1787–1791) строительством оборонительных укреплений руководил А. В. Суворов, затем строительство продолжил по собственным проектам И. М. Дерибаса.

В городе был построен первый на Чёрном море литейный пушечный завод. Важным было значение Херсона и как морского порта. В конце XVIII века здесь швартовались торговые суда из Франции, Италии, Испании, Англии и других стран. В 1803 году Херсон стал центром Херсонской губернии.

Именно в это время, в самом начале XIX века, семья Калагеорги окончательно обосновалась в Херсоне. Иван Калагеорги получил место в Херсонской казённой палате, а в 1809 году стал вице-губернатором.

В Новороссийском крае у Елизаветы Григорьевны Калагеорги, урождённой Тёмкиной, было немало недвижимого имущества, дарованного её отцом светлейшим князем Григорием Александровичем Потёмкиным-Таврическим и матерью – государыней.

Г. А. Потемкин-Таврический. Неизвестный художник

Только в одной Херсонской губернии ей принадлежало село Балацкое, в котором «числилось 42 двора, 103 м. п. и 84 ж. п. душ».

В Википедии приведено описание села:

«Село Балацкое, статской советницы Елизаветы Григорьевны Кологеоргиевой с выделенной церковной землею. Село при озере Болацком; церковь каменная во имя Верховных апостолов Петра и Павла; две ветряных мукомольных мельницы, каждая об одном поставе. Церковная земля по обе стороны балки Добринской, и дача речки Ингула на левой, и по обе стороны

балок Дорышевой, Хреновой, Добренькой, на коей три пруда: Холtareвой и Кошиноватый, от вершинова Дорошева и Добренького и многих безыменных озера Хренового, 4-х протоков безымянных и при озере Балацком описания реки, озера. В них рыба, грунт земли; хлеба, сенных покосов. Лес – в нем звери, в полях и при водах птицы и промыслы крестьян: промышленяют хлебопашеством, женщины сверх полевой работы прядут шерсть, ткнут холсты и сукна для себя».

Супружество Елизаветы Григорьевны и Ивана Христофоровича оказалось счастливым и плодовитым. У них родились девять детей – четыре сына: Александр, Григорий, Николай, Константин и пять дочерей: Варвара, Екатерина, Вера, Настасья и Софья.

Елизавета Григорьевна поддерживала самые добрые отношения со своим двоюродным братом и недавним опекуном Александром Николаевичем Самойловым.

Сохранились её письма к брату:

«Херсон 1810 г. сентября 8

Милостивый государь Александр Николаевич!

Приношу мою благодарность за поздравление Ваше меня с именинами. Напрасно изволите беспокоиться, что ничего не посылаете, я и не ожидала. Позвольте Вам сказать, вспомните то письмо, которое Вы мне изволили писать в бытность мою в деревне, оно наполнено колкими укоризнами и огорчительными упреками за сделанное Вами мне благодеяние, после этого могу ли я принять от Вас какого ни есть подарка. Есть ли Вы думаете, что я неблагодарна, то оставили бы на мою совесть, а попрекать, уже это не благодеяние; но Вы меня напрасно считаете неблагодарною, сие не доказательство, что я не приехала с Вами проститься, не могла тогда и теперь не могу описать все притчины, которые задержали меня ехать к Вам. Вспомните, что я неоднократно, когда мне можно было, приезжала из Херсона к Вам нарочно поздравить Вас с именинами Вашими, думая чрез то сделать Вам угодное, но Вы и виду не показывали, что Вы этим довольны; а в маленькой невольной моей ошибке тотчас даёте знать Ваше негодование.

Имела честь получить бумагу на мальчика и девочку для доставления Сухопрудской, за что чувствительно благодарю, и прошу Вас простить меня, есть ли я Вас с сим беспокоила.

В протчем, желаю душевно Вам совершенного здравия. Имею честь пребыть с глубочайшим моим почтением Вашего сиятельства покорная слуга Е. Калагеоргиева».

Фамилия Калагеорги иногда произносилась именно так – Калагеоргий или Калагеоргиева.

Письма, которые Елизавета Григорьевна посылала Александру Николаевичу Самойлову, были наполнены любовью, участием и заботой о брате.

Вот ещё одно из немногих сохранившихся писем:

«Херсон 1812 г. января 18

Милостивый государь Александр Николаевич!

Имела честь получить письмо Ваше, но крайне и душевно сожалею, что Вы часто бываете нездоровы, берегите себя, Вы всегда пренебрегаете своим здоровьем и не бережетесь в пище. Надеюсь, что Вы получили мое последнее письмо, надеюсь также, Вы простите меня, что беспокою Вас моею просьбою, но верьте, что крайне нуждаюсь в деньгах. Уверена в Ваших милостях ко мне, осмеливаюсь Вас еще утруждать. Несколько писем получаю

от госпожи Сухопрудской, просит крепости на мальчика и девочку, Вам мне пожалованные, которых я ей уступила; она показала у себя их по теперешней ревизской сказке купленных от Вас, она имеет свидетельство на их от Вас, но она очень недовольна мальчиком, который пренегодный, ворует и несколько раз уже бежал от нее, так как она очень недостаточна, то хочет продать его, но без купчей крепости не может ни к чему приступить. Прошу Вас, Александр Николаевич, сделать милость и оную прислать, дабы могла я ей сим сделать большое удовольствие.

Желая душевно быть Вам здоровым, целую Ваши ручки. Остаюсь навсегда покорная, Ваша Елисавета Калагеоргиева».

Елизавета Григорьевна была внимательна, не забывала поздравлять с праздниками:

«Херсон 1813 г. января 8

Милостивый государь Александр Николаевич!

Надеюсь, что Вы последнее моё письмо получили, в котором поздравляла Вас с праздниками Рождества Христова, теперь позвольте Вас поздравить с Новым годом и пожелать Вам всех благ на свете. Благодаря Бога, до нас не дошла чума, и там, где есть, начинает прекращаться. Я бы давно у Вас была, есть ли бы не помехою сия болезнь, где в многих местах надо выдерживать карантины.

За обязанность поставляю, так как Вы, Александр Николаевич, истинной мой благодетель, уведомить Вас, что вторую мою дочь сватает один помещик в 30 верстах от Новомиргорода именем Лутковской, родной племянник княгини Кудашевой, что тоже возле Миргорода. Человек молодой, предостойной, имение очень изрядное, служил он в военной службе, потом в отставку для домашних обстоятельств отставлен подполковником. По-настоящему, должно бы не согласиться, пока старшая наша не выдет, но, мне кажется, в нашем состоянии не должно иметь предубеждения.

Я надеюсь на Бога, что и Варинька моя уйдёт своей судьбы, есть ли мы станем выбирать, то могут они просидеть, а я больше ничего не желаю, как видеть их счастливыми в супружестве и не нуждаться в своей жизни.

Итак, мы решились и дали слово, я хотела ехать на контракты, ибо нужно делать покупки, где гораздо дешевле, нежели у нас, да и достать многого нельзя, но не могу никак отлучиться теперь. Я дала комиссию одному туда ехавшему кое-что нужное искупить.

Позвольте мне прибегнуть к Вам, как к отцу, не оставить меня в теперешнем моем положении, из контрактов прислать, что Вам заблагорассудится, дочери моей всякая милость от Вас для нас дорога и примется как от отца. Попросите от себя и Катерину Николаевну (Самойлова Екатерина Николаевна (1750–1825), сестра Александра Николаевича – **А. III**.), и к ней буду писать и уведомлю ее. Надеюсь, что Вы не прогневайтесь на меня, что я так чиста, сердечно смею Вам открыться.

Целую Ваши ручки, желаю, чтобы Вы здоровы были. Имею честь быть на века покорная Ваша Е. Калагеоргиева.

Р. S. Забыла я Вам написать, что на сих днях ожидают князя Куракина в Екатеринослав, куда и Иван Христофорович хочет отправиться; я думаю, Вы известны, что князь сделан начальником для прекращения моровой язвы».

Семья прожила в Херсоне до 1816 года и переехала в Екатеринослав, когда Иван Калагеорги стал губернатором Екатеринославской губернии.

Ожидание же «бед и напастей»

Между тем, переселившись в Варшаву, цесаревич Константин Павлович не забыл своего учителя греческому языку и старого друга Ивана Христофоровича Калагеорги. В 1816 г. он принял участие в его судьбе, рекомендовав его начальнику бессарабскому губернатору Бахметьеву как человека, «коего я, по нахождению при мне с малолетства, знаю как отличного, достойного и честного человека...».

В семье Калагеорги хранились письма цесаревича за 1815–1822 годы. Видимо, Иван Христофорович нередко обращался к цесаревичу Константину Павловичу по поводу устройства своих сыновей, особенно старших – Александра и Григория. Иван Христофорович хотел, чтобы они начали службу в лейб-гвардии Конном полку, в котором начинал незадолго до переворота их дед Григорий Александрович Потёмкин и на присяге в котором познакомился с императрицей Екатериной II. Поскольку времена изменились и требовалось образование, чтобы стать офицером, цесаревич определил Александра и Григория Калагеорги в 1-й Кадетский корпус.

Правнук Елизаветы Тёмкиной, Дмитрий Овсяников-Куликовский, литературовед и лингвист, почётный член Петербургской академии наук, с 1917 года Российской академии наук, в своих мемуарах писал, что большое семейство Калагеорги *«жило дружно, весело и шумно, но вместе с тем как-то очень беспокоино, ожидая по временам всяких бед и напастей»*. Что же касается главы семьи, Ивана Христофоровича Калагеорги, то он, по отзывам современников, «добрейший человек и благодетель».

Ожидание же «бед и напастей» оказалось не беспочвенным. Но обо всём по порядку...

Я уже упоминала, что добрые отношения с великим князем Константином, в ту пору цесаревичем, продолжались. Кто бы мог подумать, что именно они принесут беду, причём вовсе не по вине цесаревича или самого Ивана Христофоровича. Беда пришла внезапно и оттуда, откуда её совсем не ждали.

Однажды Константин Павлович пригласил Ивана Христофоровича к себе в гости, в Варшаву, где он, оставаясь генерал-инспектором всей кавалерии, стал главнокомандующим польской армии, точнее, всеми армиями и корпусами, размещёнными на территории Польши.

Удивительно, что Елизавета Григорьевна была против этой поездки, словно предчувствовала недоброе.

Великий князь Константин Павлович. Неизвестный художник

Но как откажешь другу детства, да тем более, вполне возможно, будущему императору. О планах передать престол не ему, а Николаю Павловичу тогда ещё никто не подозревал.

Калагеорги уехал в Варшаву отмечать Рождество. Год, к сожалению, не указан, но это было где-то между 1816 и 1819 годами.

Константин Павлович, воспитанный в Гатчине, любил воинский строй, обожал парады. Вот и в тот раз не мог отказать себе в удовольствии пригласить на парад друга детства. Да вот только Калагеорги не рассчитал время и прибыл на строевой плац слишком рано. А погода выдалась морозной, к тому же дул пронизывающий ветер. Целый час пришлось ждать торжеств. Калагеорги на холодном ветру сильно замёрз.

Да и во время смотра не было возможности согреться. Надо внимательно наблюдать за происходящим и периодически вытягиваться в струнку, когда перед трибуной проходят торжественным, в ту пору именуемым церемониальным, маршем войска.

Когда смотр окончился, цесаревич Константин вместе со своим приятелем и со свитой вернулись во дворец. Продрогший Иван Калагеорги едва дождался, когда за ним закрылись двери и он оказался в хорошо натопленном вестибюле. Вот тут и случилась беда... Он хотел ответить на какой-то вопрос цесаревича, заданный по поводу парада, но почувствовал, что язык не слушается. В ответ смог промучать лишь что-то нечленораздельное. Язык отнялся.

Цесаревич обеспокоенно переспросил, заметив неладное, встряхнул приятеля за плечи, мол, что с тобой. И тут же распорядился пригласить немедленно врача.

Ивана Христофоровича хотели проводить в отведённые ему покои, но тут он стал опускаться на пол, и его едва успели подхватить офицеры свиты цесаревича. Стало ясно, что вдобавок ещё отнялись ноги.

Отнесли в комнату, уложили в постель. Лейб-медик осмотрел Калагеорги, но тот ничего не мог понять. Решил собрать консилиум. Но ничего не дал. Никто из лекарей ничего не мог понять.

Необходимо лечение, срочное лечение, но какое, где?

Калагеорги написал на бумажке, что хочет лечиться только в России. Решили отправить его в Железноводск. В ту пору курорты Кавказских минеральных вод только начинали свою работу.

Некоторое время Иван Христофорович остался в гостях у цесаревича, а в 1820 году, когда общее состояние позволило сделать переезд, его отправили на лечение в Железноводск. Лечение помогло лишь частично – Калагеорги смог нормально ходить, боли в ноге прекратились, говорить он тоже мог, но тихо, а память полностью не восстановилась. Пришлось подать прошение об отставке. Отставка была принята. Император назначил вполне достойную пенсию.

Известно, что Елизавета Григорьевна ухаживала за супругом в Железноводске. Сначала она вывозила полюбоваться живописными окрестностями в коляске, а затем выводила на прогулки. Сложная местность для прогулок. Ведь все лечебные учреждения, как правило, размещались на склонах горы Железной в Железноводске и горы Машук в Пятигорске. Разве что Ессентуки на равнинной местности. Но там курорты возникли чуть позже. Так что прогулки давались нелегко, но уход за больным был обеспечен самый лучший. Император постоянно интересовался состоянием здоровья. Часто присылал курьеров с подарками и письмами цесаревич Константин Павлович, но Иван Христофорович никак не реагировал на это и не мог угадать, кто проявляет о нём заботу.

К сожалению, подробностей о том, что было дальше, не сохранилось. Поправился ли Калагеорги? Вернулся ли к государственной службе?

Ну а что касается самой Елизаветы Григорьевны, то известна, например, история с её портретом, написанным знаменитым художником Боровиковским по заказу Александра Николаевича Самойлова. Об этом портрете я упоминал в начале очерка.

Так вот сын Елизаветы Григорьевны, Константин Иванович Калагеорги, заявил однажды, что на портрете изображена его родная «мать – дочь Светлейшего князя Потемкина-Таврического, а со стороны матери – тоже высокоозначенного происхождения».

Что бы там ни говорилось, но ни сама Тёмкина, ни её дети не могли не знать правды о том, кто была их мать и бабушка. Такое скрывалось от общества, но скрыть от самих детей

и внуков вряд ли можно было, поскольку сам Александр Николаевич Самойлов был весьма близок ко двору. Он ведь присутствовал на венчании своего дяди и государыни.

Сын Елизаветы Григорьевны, Константин Иванович, в 1880-е годы решил продать, что поначалу оказалось делом почти невозможным. Купить его тогда никто не решался. Позднее этим занялся внук Тёмкиной, мировой судья Николай Константинович, который снова обратился к Третьякову: «Портрет моей бабушки имеет тройное историческое значение – по личности художника, по личности моей бабушки и как тип красавицы восемнадцатого столетия, что составляет его ценность совершенно независимо от модных течений современного нам искусства».

Портрет Боровиковского интересен тем, что художник, в манере письма которого было уделено особое внимание деталям, особенно украшениям на портретах, цепочка на шее Тёмкиной выписана так, что сам медальон скрыт одеждой. Это говорит о том, что художник указал на какую-то тайну. Тайну же эту он не мог не знать, ведь он столько написал портретов самой государыни. Вячеслав Сергеевич Лопатин отметил, что на двух портретах, написанных Боровиковским, «мы видим молодую женщину, черты лица которой напоминают отца, фигура – мать». То есть черты лица напоминают Григория Александровича Потёмкина, а фигура – императрицу Екатерину II. Боровиковский случайностей в своих портретах не допускал.

Наконец сын написал самому основателю знаменитой картинной галереи Павлу Михайловичу Третьякову, который в 1881 году открыл для народного посещения свою знаменитую картинную галерею, ныне всем известную как Государственная Третьяковская картинная галерея.

«Имея великолепный портрет моей матери работы знаменитого Боровиковского и не желая, чтобы это изящное произведение осталось в глуши херсонских степей, я совместно с сыном моим решились продать этот фамильный памятник и сделать его доступным, как для публики вообще, так в особенности для молодых художников и любителей живописи. Ваша галерея картин известна всем, а потому обращаюсь к вам с предложением, не угодно ли вам будет приобрести эту драгоценную вещь».

Но и тут всё сложилось не сразу. Живопись XVIII века была в то время не в моде. Лишь в 1907 году вдова Константина Ивановича Калагеорги сумела продать портрет видному московскому коллекционеру И. Е. Цветкову. В 1925 году портрет Е. Г. Тёмкиной был передан в Государственную Третьяковскую галерею. А в 1964 году Третьяковской галереей был приобретён и портрет Елизаветы Григорьевны, именуемый «Портрет Тёмкиной в образе Дианы».

Портрет Елизаветы Григорьевны Темкиной. Художник В. Л. Боровиковский

Елизавета Григорьевна Тёмкина умерла на 79-м году жизни 25 мая 1854 года. Дата кончины её супруга неизвестна. В Википедии говорится лишь, что умер он не ранее 1841 года.

По данным Вячеслава Сергеевича Лопатина, «потомство её (Тёмкиной-Калагеорги. – А. III.) живёт и по сей день».

Трагическое супружество старшей внучки Екатерины II *Великая княжна Александра Павловна (1783–1801)*

На Санкт-Петербург опустилась мартовская ночь 1801 года. Промозглая ночь, ветреная, ненастная. Постепенно затихал Михайловский замок, ещё толком не обжитый, пропахший свежими красками, пугающий причудливыми переходами. Замок угрюмый и мрачный, хотя вот уже второй месяц обживала его императорская семья, перебравшаяся сюда в начале февраля трагического 1801 года.

В покоях императрицы Марии Фёдоровны всё погрузилось в сон. Прочитав молитву, императрица с трудом прогнала от себя мысли о старшей дочери Александре, находившейся в далёкой, чужой стране и носящей странное наименование палатины венгерской.

Потоком шли письма о том, что находится старшая дочь в тяжёлом состоянии.

Беспокоили мысли и о державном супруге, императоре Павле Петровиче. Что-то вокруг него творилось непонятное, пугающее. Чувствовала она сердцем, что плетутся какие-то интриги, что окружают государя люди бесчестные, жестокие и бессовестные. Вот и дверь к нему в покои несколько дней назад зачем-то забили – объяснили, что по его личному распоряжению. Так ли это?

Истекал день 11 марта. Мария Фёдоровна, перекрестив небольшой портрет дочери Александры, забылась наконец тревожным сном.

Портрет императрицы Марии Фёдоровны. Художник В. Л. Боровиковский

Она не слышала, как в час ночи, уже 12 марта, в покои буквально ворвался офицер и, разбудив шталмейстера Сергея Ильича Муханова, состоявшего при её особе, доложил взволнованно, срывающимся голосом:

– Император умер!

– Что? Что вы говорите? – с ужасом спросил Муханов, пытаясь осмыслить сказанное. – Что случилось?

– Апоплексический удар! – пояснил офицер.

Наконец смысл слов дошёл до Муханова, и тот махнул рукой – мол, свободен. Встал, привёл себя в порядок. Нужно было докладывать императрице. Самому? Нет, сам идти не отважился, решил разбудить старшую статс-даму графиню Шарлотту Карловну Ливен, воспитательницу детей императорской четы и ближайшую подругу Марии Фёдоровны, особу, по словам современника, «большого ума и твёрдого характера, одарённую почти мужскою энергией».

Ей сподручнее докладывать о случившемся императрице, теперь уже вдовствующей. Какое страшное слово! Какое нелепое слово! Вот ведь только несколько часов назад было всё иначе... А вот теперь графине Ливен нужно идти сначала обрушить ужасную весть, а затем утешать Марию Фёдоровну. Да легко ли утешить?!

Графиня Ливен отреагировала на сообщение сдержанно и тотчас стала собираться к императрице. Было уже около двух часов ночи, когда она вошла в опочивальню к Марии Фёдоровне и, остановившись у постели, осторожно тронула за плечо.

Императрица вздрогнула, приподняла голову, воскликнув:

– Кто это? Что случилось?

– Это я, ваше величество!

– О-о-о... Всё ясно, – проговорила она скорбно. – Из Венгрии весть. Александра умерла...

– Нет, государыня, не она...

– О-о-о! – снова протянула императрица, почти с ужасом. – Тогда император!

Графиня не ответила, только кивнула головой.

Мария Фёдоровна тут же поднялась с постели и бросилась к двери, которая вела в спальню императора, даже не надев башмаки и чулки. Графиня побежала за ней и набросила салоп на плечи. И тут вспомнила, что дверь в спальню уже несколько дней как заколочена. Она не знала, что сделано это по наущению фон дер Палена, которому Павел Петрович слишком доверял. Она выскочила в другую комнату, через которую можно было попасть на внутреннюю лестницу и в кабинет государя, но там стоял пикет лейб-гвардии Семёновского полка, и перед ней часовые скрестили штыки, не допуская в покои государя.

– Пустите меня, пустите! – восклицала государыня, но часовые, несмотря на то что у них самих на глазах были слёзы, лишь отговаривались тем, что пускать не велено.

Капитан Волков, лично известный императрице и пользовавшийся «особым её покровительством», был вызван часовыми, но только руками развёл – не в его силах было нарушить приказ своего начальника – участника заговора.

Но он, по крайней мере, вёл себя уважительно, а вот услышавший шум и выглянувший из императорской опочивальни Платон Зубов грубо крикнул, хотя и узнал Марию Фёдоровну:

– Вытащите вон эту бабу.

Великан Евсей Горданов подхватил императрицу и вынес прочь, отправив назад, в её покои.

Она снова сделала попытки прорваться к мужу, но тут снова в нужный момент оказался омерзительный тип барон Беннигсен, высокий, сутуловатый, с неприятным, отталкивающим лицом. Он нагло и цинично заявил:

– Мадам, не играйте комедию.

Оставим удручённую горем императрицу перед пикетом гвардейцев и обратим внимание на странную её фразу, касающуюся дочери – великой княгини Александры Павловны.

Гвардейский полковник Николай Александрович Саблуков, реставрировавший в своих воспоминаниях события той страшной для императорской семьи ночи, пояснил эти слова императрицы Марии Фёдоровны так:

«Около этого времени великая княгиня Александра Павловна, супруга эрцгерцога Иосифа, палатина венгерского, была при смерти больна, и известие о её кончине ежечасно ожидалось из Вены...»

И далее он рассказал о том, что Мария Фёдоровна с часу на час ждала известие о судьбе дочери Александры. Уже совсем скоро стало известно, что ждала неслучайно. Сердце матери – вещун. 11 марта 1801 года великой княгини (в замужестве ставшей палатиной венгерской) уже не было в живых – она ушла в мир иной 4 марта, за шесть дней до гибели своего отца от

рук заговорщиков. Просто известие ещё не успело дойти из далёкого Будапешта до стен Петербурга. Александра Павловна ушла в мир иной, подтвердив печальное пророчество своей великой бабки императрицы Екатерины II относительно судеб русских великих княжон, между прочим, сделанного именно по поводу её рождения. А сказала государыня, что *«ничего не может быть несчастнее российской Великой Княжны»*.

Старшая внучка императрицы Александра родилась 29 июля 1783 года, и великая бабушка, которая полностью управляла всем, что касалось потомства своего сына, назвала её в честь любимого своего внука Александра Павловича Александрой Павловной.

Вскоре после рождения Александры Екатерина II писала своему постоянному европейскому корреспонденту барону Гримму:

«Моя заздравная книжка на днях умножилась барышней, которую в честь её старшего брата назвали Александрой. По правде сказать, я несравненно больше люблю мальчиков, нежели девочек...»

Но отчего же такая немилость к дочерям сына, к своим внучкам? Нет, вовсе это не немилость, а что-то другое. Здесь скорее переживание за их тяжёлые судьбы, в которых повинны весьма и весьма немилосердные и к ним, да и к их братьям законы Российской империи, заведённые ещё императором Петром I.

Екатерина, ни словом не осуждая тех законов, на что, увы, не имела права, предвидела, что у её сына Павла Петровича «дочери все будут плохо выданы замуж», умалчивая, что к такому именно повороту приводит требование дурного закона. И будут им сопутствовать драмы и трагедии, «потому что ничего не может быть несчастнее российской Великой Княжны».

А всего у Павла Петровича и Марии Фёдоровны было четыре сына и шесть дочерей. Правда, одна из дочерей, Ольга Павловна (1792–1795), умерла в трёхлетнем возрасте. Смерть детей в ту пору не была большой редкостью. В младенчестве дети умирали часто, порой и не по одному ребёнку в семьях. А поскольку детская смертность была высока, в младшем возрасте документы на детей выдавались при достижении ими пяти лет.

Предубеждение против внучек у императрицы было настолько сильным, что это на первых порах отразилось на её отношении к Александре Павловне, во всяком случае, если даже и не на отношении, то на отзывах о ней. Так, кабинет-секретарь императрицы Александр Васильевич Храповицкий (1749–1801), действительный тайный советник, сенатор, в своих записках отметил, что она об Александре Павловне говорила, мол, растёт «ни рыба ни мясо», при этом прибавляя: «Александра Павловна существо очень некрасивое, особенно в сравнении с братьями». И оценивала выше вторую свою внучку Елену, которую считала «гораздо умнее и живее» в полугодовалом возрасте, в отличие от двухлетней Александры.

Но к четырём годам Александра словно незримо переродилась, и государыня изменила своё отношение к ней, даже стала писать ей коротенькие записочки – свидетельство тому, что великая княжна уже в 4 года разумела грамоту. Во всяком случае, читать небольшие тексты была в состоянии. Сохранилась записочка государыни-бабки от 12 марта 1787 года – Александре три года и восемь месяцев:

«Александра Павловна, приятно мне всегда, что ты умница, не плачешь, но весела; будешь умна, тобою будут довольны. Спасибо, что ты меня любишь, я сама тебя люблю...»

А в письме к барону Гримму Екатерина Алексеевна сообщила об Александре:

«Меня она любит более всех на свете, и я думаю, что она готова на всё, чтобы только понравиться мне или хоть на минуту привлечь моё внимание».

Своему сыну за рождение старшей внучки государыня сделал царский подарок – имение Гатчину, которое выкупила у наследников князя Григория Григорьевича Орлова, рано покинувшего сей мир.

Когда же Александра Павловна подросла ещё немного – спустя два года, – императрица отметила:

«До шести лет она ничем не отличалась особенным, но года полтора тому назад вдруг сделала удивительные успехи: похорошела, выросла и приняла такую осанку, что кажется старше своих лет. Она говорит на четырёх языках, хорошо пишет и рисует, играет на клавесине, поёт, танцует, понимает всё очень легко и обнаруживает в характере чрезвычайную кротость. Я сделалась предметом её страсти, и, чтобы мне нравиться и обратить на себя моё внимание, она, кажется, готова кинуться в огонь!»

Старательность и трудолюбие маленькой великой княжны Александры отметила и её мать, в ту пору великая княгиня Мария Фёдоровна, супруга наследника престола. Она писала в 1787 году, что четырёхлетняя дочь «продолжает быть прилежной, делает заметные успехи и начинает переводить с немецкого». Это в четыре-то года! Мало того, открылись большие способности к живописи, и Мария Фёдоровна отметила, «кажется, она имеет к этому искусству большие способности». Ну и в музыке и пении «обнаружила замечательные способности».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.